

Алексей Пурин

Стихотворения

Родился в 1955 году в Ленинграде. Поэт, эссеист, переводчик, издатель стихотворного наследия Н. Л. Уперса, редактор. Автор двух десятков стихотворных сборников (включая переиздания) и четырех книг эссеистики. Переводит голландских (в соавторстве с И. М. Михайловой) и немецких поэтов, вышли в свет девять книг переводов. Живет в С.-Петербурге.

* * *

*Помертвелье гонит
годы Ландверканал.*

Гюнтер Айх. 1948

Гюнтер Айх не узнал
о крушенье Стены – и
гонит Ландверканал
свои воды стальные, –
словно и не сбылось
то, чего так хотелось,
хоть не верилось: ось
повернулась – и спелось!

Горбачёв, Лигачёв...
Плюнь! Всё это пустое
(нет и рифмы на «чёв»)!
Кто разрушил устои?
Да само протекло,
провоняло и сгнило –
а у них расцвело,
проросло, осенило...

Точно так же не век
дан гулять Украине
с Беларусью; абрек
сгинет в горной лавине;

это тоже сгниёт
за каких-то полвека –
и к стопам упадет...
...хорошо б – человека.

Три перевода

1. Из Ангелуса Силезиуса

(«Херувимский вестник», I: 115)

Я должен Солнцем стать, лучами претворяя
бесцветный Океан в цветущий очерк рая.

2. Сентиментальная беседа. Из Верлена

В продрогший парк, отправленный на слом,
два призрака проникли, как в разлом.

Глаза мертвы, да и слова облыжны,
а их реченья вряд ли даже слышны.

В продрогшем парке, пущенном на слом,
две тени говорили о былом:

– Ты помнить ли мгновения экстаза?

– Пустая фраза, друг, пустая фраза!

– Трепещет сердце ль моему в ответ
твоё, как прежде трепетало? – Нет.

– А то, пред чем всё прочее ничтожно,
слиянье уст ты помнишь ли? – Возможно.

– Сияло небо, тешили мечты!..

– Мечты пожрали тучи черноты...

Так по траве пожухлой шли, недвижны,
и речи их лишь ночи были слышны.

3. Что ни мгновенье. Из Готфрида Бенна

Что ни мгновенье
и что ни слог –
кровотечение,
из раны ток –

питает недра,
густой, как мёд,
но сердце щедро
его вернёт.

Ослабив бремя,
дарит крыло:
сарматам – стремя,
руси – весло. –

Не вопрошать лишь,
не помышлять, –
а воплощать лишь
и впечатлять.

Есть лишь мгновенья
холодный свет –
кровотечение.
Прочего нет.

Дымка в овраге,
пастыря зов –
о, это знаки,
что ты готов.

Голубизна ли,
неба просвет?
О, верность дали!
Прочего нет.

О, верность стягам
толп и держав!
О, верность знакам,
пусть знаки – ржавь!

Лишь превращенья
остывший след,
хмель, отвращенье.
Прочего нет.

Римский фонтан

Подражание Конраду Фердинанду Мейеру

...Und strömt und ruht.

I

Струя, взлетая, упадает
в ту чашу, что и так полна, –
и из неё перетекает,
не зная отдыха и сна,
в другую, нижнюю, сверкая, –
и третья ждет её такой –
всё наполняющей до края:
само движенье, сам покой.

II

Подобье дерева с шумящей
его листвою золотой,
ты – символ жизни преходящей,
Фонтан, ты – смысл её простой;
как дерево, земные соки
ты пьёшь, чтоб долу их вернуть;
пусть наши помыслы высоки –
в глубины тьмы ведёт нас путь.

III

Земной ли тягой, Божьей дланью
приостановлен рост струи? –
Лета кладут предел желанью –
покойней к осени ручьи. –

Как бы три возраста пред нами:
вот молодость взлетает ввысь,
вот зрелость зыблется волнами,
вот старость – страсти улеглись.

IV

И комментарий к Изобилью
являешь ты собой, Фонтан:
ты орошён алмазной пылью,
жемчужный блеск тебе придан;
трех чаш живых переизбыток
прекрасней осенью стократ,
когда отравленный напиток,
Природа пьёт, что твой Сократ.

V

Но вновь, очнувшись от покоя,
трубою сжатая струя
уходит в небо молодое,
противоречья не тая, –
и тотчас падает, секирой
незримой срезана, как злак:
рождённым сумрачностью сирой,
в лазурь не вырваться никак.

VI

Для посторонних глаз незримо,
в мозгу ученом привезён,
Фонтан, твой образ к нам из Рима,
где воплощён впервые он
вблизи базилики великой, –
и вот на финском берегу
стоишь среди природы дикой,
сгибая радугу в дугу.

VII

Вверху прибрежного уступа
затем рабами вырыт пруд,

чтоб воды просто, даже тупо,
вершили свой посильный труд –
и в Нижнем парке под напором
рвались бы в небо из трубы,
доступны изумлённым взорам
царя, вельмож и голытьбы.

VIII

Скажи, что краше водомёта
и в летний зной и в ледяной
сентябрьский день, чья позолота
над бездной зиждется двойной?
О, диво перлоизверженья!
О, льда расплавленный хрусталь!
Всё сразу – блеск и гул сраженья,
и утешения вуаль.

IX

Поэт, не сравнивай с фонтаном
стихосложенье! Строфы лишь –
в своем вторенье беспрестанном –
ему подобны, как пастиш,
строкой в строку перетекая, –
и это видит всяк, кто зряч.
Ответь, не так ли Навзикая
с подругами играла в мяч?

X

Как Одиссей, и я, бывало,
заглядывался здесь на дев;
кровь бушевала, плоть вставала –
и страсть, всем телом овладев,
чуть не фонтан являла миру...
Года прошли – живу скромней.
И, как Мурза любил Пленуру,
я счастлив с Оленькой моей.

XI

И, наконец, ты есть клепсидра
(иль гидрологиум), Фонтан:
бежит тебя речная выдра
и вряд ли рыбе ты желан.
Иль скафис – ты, струя же – гномон,
светила метящий проход?
Но вот ты солнцем околдован:
тьень исчезает – полдень бьёт.

XII

Веками рушится, взлетая,
сиянье в верхнюю из чаш;
шумит, её переполняя,
бунтует, точно норов наш;
в другую, нижнюю, стекает;
а третья ровною рекой
лежит; и весь шатёр сверкает:
всё – беспокойство, всё – покой.